

Ваньэр никогда не видела своего деда и отца. Но судя по описаниям матери и других, оба должны были быть людьми стройными и прекрасными. Во всех прочих снах дед и отец представляли именно такими. На сей раз же их лица исказила злоба, они стремительно приближались, громко крича, и весь их облик напоминал адских бесов. Ваньэр, потрясённая этим зрелищем, мгновенно очнулась, ещё вся во власти ужаса, с бледным лицом и бешено колотящимся сердцем. Она резко села, сбросив одеяло, чем перепугала придворных женщин у двери: «Что с вами, Цайжэнь?»

Ваньэр перевела дух и тихо спросила: «Который час?»

Молодая служанка ответила: «Без четверти полночь».

Ваньэр велела разбудить себя в полночь, а узнав, что времени почти нет, тут же поднялась, слегка поправила платье и уже направилась к выходу, как вдруг остановилась: «Ваше Величество уже переоделась?»

Служанка поняла её и прошептала: «Мы, как вы и приказывали, одежду приготовили, но Ваше Величество ещё не звала».

Ваньэр на мгновение задумалась, затем сказала: «Подайте мне её». Взяв траурные одежды, она вышла, через боковую дверь проникла в малый зал и бесшумно встала за колонной, выглядывая вперёд.

Императрица У по-прежнему сидела за столом в полном облачении, с кистью в руке, будто переписывая текст. Однако с тех пор, как Ваньэр уснула, прошло уже полчаса, а императрица, успевшая до того написать десять строк, теперь, когда Ваньэр вернулась, так и не прибавила ни строчки.

Ваньэр помедлила, но всё же вышла с одеждами и тихо окликнула: «Ваше Величество?»

Императрица У с удивлением обернулась, слегка нахмурившись: «Уже вернулась?» Увидев одеяния в её руках, вздохнула и поднялась из-за стола, расправив руки: «Одевай».

Одна из служанок приняла одежду, они сняли с императрицы верхнее платье, и, когда Ваньэр уже собиралась накинуть траурный халат, та вдруг передумала: «Вели принести воды. Я устала».

Ваньэр вздрогнула, чуть приподняла глаза, бросив быстрый взгляд на императрицу. Та только сегодня получила весть о смерти старшего сына — и уже может спокойно заснуть?

Была глубокая ночь, всё делалось без церемоний. Евнухи внесли большую купель, наполнили горячей водой и удалились. В зале оставалось пять-шесть приближённых служанок, собиравшихся помочь императрице раздеться, но та отмахнулась: «Все вон. Остаься, Ваньэр».

У Ваньэр ёкнуло сердце. Она склонилась, опустила голову и привычно принялась снимать с императрицы нижнее платье. Стремясь доказать преданность, она никогда не гнушалась самой чёрной работы, и в делах омовения была уже весьма искусна. Но сегодня, после такого сна, вид тела императрицы пробудил в ней странные чувства. Вспомнив о смерти деда и отца, она ощутила горькую смесь эмоций, стиснула губы и, поддерживая императрицу, помогла ей ступить в купель. Рука её дрогнула, когда она брала полотенце, и, положив его на плечо государыни, она невольно скользнула взглядом вниз, мимо плеча, к месту, где тело встречалось с водой, и увидела, как её грудь, уже слегка обвисшая, но всё ещё полная прелести, медленно погружается в воду.

Свет свечей, яркий, как дневной, играл на водной глади, и плечи, и грудь императрицы словно светились изнутри, приковывая взгляд и не отпуская его.

Рука Ваньэр задрожала сильнее, полотенце выскользнуло и упало в воду, прямо перед императрицей. Та прищурилась, полуобернувшись: «Вань-цин, что-то гложет тебя?»

Вся кровь прилила к лицу Ваньэр. Стиснув зубы, она спустя несколько мгновений ответила дрожащим голосом: «Ваше Величество... после омовения вы... отдохнёте?»

Императрица закрыла глаза: «А что ещё остаётся?»

Ваньэр молча продолжила обтирать спину государыни. Та, хоть и достигла уже бабушкиных лет, кожа её начинала терять упругость, но оставалась белой и гладкой. Рука Ваньэр с полотенцем скользила по спине, сердце билось всё чаще. Она прикусила губу, пытаясь сосредоточиться, и, закончив со спиной, снова погрузила полотенце в воду, как вдруг императрица открыла глаза и ровным, бесстрастным голосом произнесла: «Тебе кажется, что я, даже в такой час, могу спать спокойно, ибо сердце у меня каменное?»

Ваньэр не видела её лица, но знала: сейчас оно столь же бесстрастно, как и голос. Она опустила взгляд, прижала полотенце к плечу императрицы и, двигаясь сзади вперёд, мягко провела им: «Если бы Ваше Величество не имело такого сердца, князь Цзиньяна не дожил бы до нынешнего дня».

Плечо императрицы дрогнуло, она издала звук, похожий и на смех, и на рыдание. Медленно поднявшись из купели, она позволила каплям скатиться с тела, словно лёгкому дождю, падающему на воду.

Ваньэр не посмела смотреть на неё, быстро отвернулась и взяла траурный халат. Лишь только она начала его разворачивать, как услышала, как императрица отчеканила слово за словом: «Чуть откроются ворота — выйдешь из дворца вместе с А-Цин и отправишься к Пэй Яню».

***

Обычно я въезжала во дворец через южные ворота. Но сегодня дело было слишком важным, и проходить через Южный двор, где толпятся канцлеры, не хотелось. Поэтому я велела объехать к северным воротам. Долго раздумывая, решила всё же сначала просить аудиенции у матери. Полагала, при таких событиях передача займёт время, но не прошло и мгновения, как вышел посыльный и объявил, что императрица-мать примет нас в дворце Тайцзи. Посыльным был Ван Дэ, тот самый, что прежде доставлял мне указы в храм Чанлэ, — можно сказать, старый знакомый.

Увидев Ван Дэ, я ощутила лёгкую тревогу. Чжэн Бо был рядом, говорить много я не могла, потому лишь слегка склонилась с повозки: «Благодарю, госпожа пятнадцатая».

Чжэн Бо, видя её зелёное одеяние, с недоумением взглянул на меня. Я предостерегающе взглянула на него, и он, хоть и не понял, в чём дело, сразу выпрямился и последовал за нами, не смея вольничать.

Ван Дэ привела нас в чертог Чэнсян, что-то сказала придворным и, обернувшись, молвила: «Я сейчас доложу императрице-матери, прошу принцессу и зятя обождать здесь».

Чжэн Бо нерешительно промолвил: «Прошу передать её величеству, что я, будучи мужчиной, нахожусь во внутренних покоях... это, возможно, не совсем уместно?»

Ван Дэ ответила: «Таково повеление императрицы-матери. Прошу зятя оставаться здесь и не беспокоиться». Не дожидаясь наших слов, она развернулась и вышла. Я, зная, что дело срочное и к дворцовым порядкам привычная, волновалась меньше, но Чжэн Бо тут же покрылся холодным потом. «Госпожа пятнадцатая...» — беспомощно вырвалось у него, он сделал шаг вперёд, но тут же несколько придворных женщин выступили вперёд, и старшая с улыбкой сказала: «Её величество приказала зятю и принцессе обождать здесь».

Чжэн Бо побледнел, взглянул на меня. Моё сердце тоже забилося часто, ладони вспотели. Я старалась сохранять спокойный вид и успокоила его: «Раз матушка велит ждать — подождём». Заметив, что окружающие служанки одеты в хуфу, спросила у старшей: «Вы из всадниц Мулан?»

Та сложила руки в приветствии: «Эта рабыня — Хулюй Добао, десятник десятого отряда всадниц Мулан».

Услышав, что она под началом у Дугу Шао, я немного успокоилась и улыбнулась: «Дугу Шестнадцатая сегодня на службе? Где она сейчас? Давно не видела эту девчонку, не знаю, где опять пропадает».

Хулюй Добао лишь покачала головой: «Не ведаю».

Её сдержанность лишь усилила моё беспокойство. Я взглянула на Чжэн Бо — он тоже был растерян. Хулюй Добао, видя наш страх, принесла доску для игры в шуанлю. Подумав, что паниковать теперь бесполезно, я предложила Чжэн Бо сыграть. Не успели мы сделать и нескольких ходов, как снова явился посыльный: «Императрица-мать вызывает зятя».

Чжэн Бо был уже мокр от пота. Он взглянул на меня и дрожащим голосом вымолвил: «Эрнян?»

Я отложила фишки: «Раз матушка зовёт — ступай, и вёл себя как должно». Вспомнив, что и Ли Шэна звали «вторым», почувствовала, как сердце сжалось. Поднялась, поправила складки его траурного халата и тихо добавила: «Как бы ни было, слушайся матушку — не ошибёшься».

Он растерянно посмотрел на меня, и несколько евнухов повели его, почти волоча, к выходу. Хулюй Добао дождалась, пока он скроется, и спросила: «Прикажете подыскать кого-нибудь составить принцессе партию?»

Меня осенило, и я улыбнулась: «Если Дугу Шестнадцатой нет, то Цуй Вторая наверняка здесь? Позови её».

Хулюй Добао взглянула на меня и вышла. Вскоре появилась Цуй Мин-дэ в узком кафтане, а за ней — одна служанка. Увидев её, я усмехнулась: «Дугу Шестнадцатая и впрямь несправедлива: моих служанок куда-то подевали, а ты можешь привести с собой одну».

Цуй Мин-дэ невозмутимо ответила: «Я всего лишь одна, а во дворце все — слуги вашего дома, принцесса. Как можно сравнивать?»

Я сухо рассмеялась: «Ошибаешься, Цуй Вторая. Во дворце все — слуги Сына Неба, а не мои. Я более не принадлежу дворцу». Пригласив её сесть, я отослала всех подальше и, не теряя ни мгновения, спросила: «Что... сегодня происходит?»